

В 13 лет я была на редкость некрасивым ребенком: очень худой прыщавый червяк с большой головой и кривыми зубами. Моя мама меня стеснялась и весь пубертатный период старалась держать меня подальше от родных и знакомых, на все лето отправляла меня в пионерский лагерь.

Пионерский лагерь состоял из бараков с детьми, домика администрации и четырех туалетов. Туалеты состояли из кирпичной будки, ямы, закрывающего эту яму деревянного настила с дырками и говна с хлоркой. Говно с хлоркой воняли, поэтому туалеты предусмотрительно строили далеко от жилых помещений и обсаживали их кустами.

Девочки долгое время думали, что я мальчик... В общем, со мной не дружили. В ту роковую ночь полуночный понос стал моим единственным товарищем.

Поносил весь лагерь: зеленые фрукты, невымытые руки повара и всякое дерьмо, которое жрали пионеры с голодухи делали свое дело. Дырки в тубзике были обгажены расстроенными желудками четырехсот человек и девочки ходили срать парами: одна гадит, другая светит фонарем, чтоб первая не вляпалась в продукты распада предшественниц.

Мне никто не хотел светить фонарем, поэтому в ту ночь я высирала солянку в гордом одиночестве; в тусклом свете фонаря были видны только очертания, и, сидя над дырой, я смирилась с тем, что уже вляпалась в чье-то скользкое говно. Неожиданно какая-то тень метнулась прямо на меня, я заорала, резко дернула неустойчивым туловищем, ноги проехали по чьему-то поносу и я вошла в очко как хорошо смазанная гильза. Фак!

Летучая мышь загнала меня по пояс в кучу дерьма, над головой смутно виднелась очко, если кто-нибудь сейчас придет гадить, то положение мое ухудшится. Надо выбираться!

Через полчаса, пытая и шепотом ругаясь матом, я дотянулась до очка руками: это, блин, было сложно - все твердые опоры были скользкими, как суки! Ухватившись за края

дыры, я подтянулась и высунула башку: от свежего воздуха закружилась голова и я удержалась на завоеванных позициях только волей к свободе.

Подтянулась еще и оперлась на локти: нужно за что-то ухватиться, чтоб не соскользнуть. Все вокруг было склизким, зацепиться можно было только за поперечную деревянную балку в полуметре от меня, я с остервенением пыталась до нее дотянуться, шипя от напряжения: - Ну! Иди же сюда, сука! Дай, я до тебя дотянусь!...

Вдруг меня ослепила вспышка света, потом какой-то не то вздох, не то стон, и глухой стук - я пересрала и свалилась обратно. Еще полчаса - и я снова над очком. Так. Тянемся... Есть! Я схватилась за перекладину и вылезла на бетонный пол еле дыша от счастья.

Отдышавшись, решила переть к реке отмываться. Метрах в пяти от тубзика валялся директор, рядом с ним валялся разбитый фонарь - сдох что ли? Я пошла на речку, отмылась как смогла, а потом позвала людей: может и не сдох еще, спасти можно.

Утром нам сказали, что у директора случился удар, вернулся в лагерь он только под конец смены. Говорить он не мог, сидел весь день на веранде и ему нравилось, когда к нему ходили дети. Я навещала его часто, он меня особенно любил - ведь именно я тогда позвала к нему людей.

На следующий год мы узнали, что перед смертью директор ненадолго пришел в себя. Он сказал, что в ту ночь он обходил территорию, случайно услышал странное пыхтение в туалете и открыл дверь. На него из зловонной дыры лез адский говняный лупоглазый червяк, тянул к нему щупальца и шипел: - Ну-у-у... Иди же сюда-а... ссссука-а.... Дай, я до тебя дотянуссссь!...

За лупоглазую обидно, конечно..